

ГЕЛЛЕР

Гроза королей

В 1949 году в первую шеренгу шахматистов страны буквально ворвался Ефим Геллер. О нем знали как об очень сильном кандидате в мастера, эрудированном и изобретательном. Заняв первое место в полуфинале чемпионата СССР, он выполнил мастерскую норму, а XVII финал благодаря участию Геллера превратился в незабываемое шахматное зрелище.

Когда финал начался, на трафарете за столиком Геллера красовался «титул» кандидата в мастера. Присваивали звание мастера в нормальном бюрократическом темпе. Уже на старте трафарет заменили, а дебютант стал демонстрировать чудеса. Его атаки черными против Котова, Флора, Фурмана в староиндийской защите вызвали общий восторг. Ничья в последнем туре обеспечивала Геллеру дележ первого места, но он ринулся в бой и... проиграл.

Его победитель Ратмир Холмов сказал, что он удивлен смелостью противника. Геллер сразу завоевал уважение своей бескомпромиссностью, смелостью. Началась его долгая и блестящая карьера.

Тридцать лет сражался Геллер на ближних подступах к званию чемпиона мира. Двадцать три чемпионата СССР, две золотые медали (в 1955 делил 1-2-е места со Смысловым и выиграл у него матч за золото) и много других медалей, два десятка первых призов в международных турнирах и прочая, прочая, прочая.

Ефим Геллер играл, что называется, на равных с кем угодно. И успешно — со всеми чемпионами мира, начиная с Эйве. А Фишеру пришлось пять раз признавать поражение. Тут уж, как говорится, довольно слов, не надо продолжать.

Ефим Геллер обладал таким набором качеств, что просто надо искать причину, как это он не стал чемпионом мира. У него было острейшее комбинационное зрение, талант аналитика, логичный, рациональный стиль, высокая техника эндшпиля, твердая воля и, как уже сказано, незаурядная смелость. Конечно, и противники были более чем трудные, но все же... Была, вероятно, ахиллесова пята, уязвимое место. Иногда, редко (да часто это и не обязатель-

но) Геллер допускал непостижимые промахи, зевки, как говорят. Мог неожиданно «заснуть», когда цейтнот, когда висит флажок... Я как-то слышал от Михаила Моисеевича Ботвинника, что у Геллера якобы повышенное внутричерепное давление. Михаил Моисеевич знал многое далеко за пределами шахмат и его инженерно-научной деятельности, мог дать ценный совет и медицинского характера, но не мне судить, в чем тут дело. Я, как говорится, не доктор.

Познакомился я с Ефимом поближе в 1953 году в Швейцарии. Случалось в свободное от игры время в компании ходить в открытый бассейн поплавать. Ефим был крепким парнем, тренированным. В студенческие годы был баскетболистом. Любил, как многие спортсмены, шутку, розыгрыш. Позже, в зрелые годы спорт был забыт, а аппетит остался одесский, хороший, стало быть. Он, насколько я понимаю, здорово играл в домино.

Ефим мог внимательно слушать собеседников, сам «солировать» не любил. Он был выдающимся тренером и авторитетным капитаном в самых ответственных командных соревнованиях. Личностью был, как теперь говорят.

Творческие достижения Геллера известны широко. Его отмеченные наградами партии, комбинации (и не уступающие им, но не отмеченные, потому что не были установлены специальные призы) украшают теперь шахматную литературу, а в свое время радовали широкие круги любителей. Он внес большой вклад в теорию староиндийской и сицилианской защиты, испанской партии.

Как-то издательству «Физкультура и спорт» пришла идея выпустить книжку «Рассказы спортсменов». Авторы рассказов — мастера спорта. Редактор Александр Нолле (писательский псевдоним А. Кулешов), коллега по издательству, предложил шахматную тему мне. Он был исключительно энергичный человек, высококвалифицированный переводчик, член Союза писателей. Я до того мо-

мента рассказов не печатал. Предложение заманчивое. Согласился, написал и назвал — «Только начало».

Начало карьеры Геллера было многообещающим, и ее продолжение оказалось блестящим.

Есть такой штамп — сокровищница шахматного искусства. Если бы это понятие было материализовано, то творчество Ефима Геллера в этом многотомнике, а скорее по нынешним временам дискете, заняло бы почетное место.

Мой скромный литературный опыт, точнее попытка, мне памятен и поэтому рискую предложить его, вспоминая недавно ушедшего из жизни замечательного шахматиста Ефима Петровича Геллера, талантливого и умного человека.

Только начало*

Одна и та же музыкальная фраза непрерывно вертится и вертится: «Когда вечер затушает линии, когда тени затанцуют синие...» Точь-в-точь как заигранная патефонная пластинка. Музыка появляется на последнем часу игры, поближе к цейтноту, и обязательно в трудном положении. Может привязаться любая фраза. Из песни, из симфонии. И обязательно по способу испорченного патефона — много раз одно и то же.

В театральном зале жарко. Шепот сотен зрителей сливается в невнятный гул. Они не слышат про вечер и синие тени. Они видят лишь, что лицо шахматиста напряжено, челюсти крепко сжаты, в углу рта закушена папироса.

На сцене — мягкие ковры. От зала сцену отделяет кайма цветов. В глиняных горшках. Для красоты, разумеется. Только на цветы никто не обращает внимания.

В глубине сцены — демонстрационные доски. Десять больших щитов. Около них стоят молодые парни с длинными тонкими, наподобие удочек, палками в руках. Это демонстраторы. Они скромно одеты — вероятно, студенты. Внимательно следят за игрой. Стройный юноша, ловко орудуя «удочкой», повторяет ход на доске, расположенной в центре ряда. Над доской большие черные буквы: «Геллер (Одесса)» и «Холмов (Архангельск)». Черное

---

* Рассказы спортсменов. Изд-во ФиС, 1964.

море и Белое море. В зале гул. Он растет. Судья включает электрическую надпись: «Тише!» Безрезультатно. Центральная встреча последнего тура!

Над шахматным столиком склонились два крепких, коренастых молодых человека. Неподвижны. Глубокое раздумье. Ефим Геллер и Ратмир Холмов.

Похож ли шум зала на рокот морского прибоя? Кто его знает... Он ни на что не похож; он немного мешает, он немного волнует, но к нему можно притерпеться.

Шум моря с детства знаком обоим. Обоим пришлось понюхать пороха. Геллер — в прошлом летчик, Холмов — моряк.

В родном городе Геллера перед шахматным клубом на демонстрационной доске та же самая позиция. Народу у доски хватает. Знакомых много. Шумят, спорят. И доносится шум прибоя. Только на это никто не обращает внимания. Воздух чистый. Прохладный ветерок с моря. Без пыли, свежий. Над морем пыли не бывает... И опять: «Когда вечер затушает линии, когда тени затанцуют синие...» Душно. Положение тяжелое, одного хода недостает, не хватает одного темпа. Только одного. Кто это сказал: «Шахматы — трагедия одного темпа»? Всегда не хватает только одного.

Для Холмова это обычная партия. Финал первенства СССР заканчивается. На первый раз сыграл неплохо. Последняя встреча не изменит итога. Для Геллера это самая ответственная партия в жизни.

Последний тур. До зарезу нужна еще одна победа. Бронштейн и Смыслов позади на пол-очка. Сделаешь ничью — могут догнать. Приятно поделить с ними первый приз, но с «чистым» первенством этот успех не сравнить. Если Геллер выиграет, то вернется в Одессу чемпионом страны, гроссмейстером, а уезжал он в Москву безвестным шахматистом.

Холмов работает на полную мощность. Голова склонилась к фигурам. Крепкая красная шея. Обветренная и загорелая. На лице нет и следа волнения. Глаза небольшие, темные, спокойные. В зале жарко, но не жарче, чем у корабельной топки. Ратмиру пришлось уже в жизни попочегарить как следует. Жару терпеть можно.

В душе Холмов доволен. Играет черными, партнер агрессивный, а сегодня еще больше, чем всегда.

Варианта с жертвой пешек за атаку Геллер не ждал. Дебютный эксперимент удался. Холмов не спешит, хотя ловушку Геллера

разгадал давно. «Партия разыгрывается как по нотам, атаковать Геллер любит — пусть позащищается».

На обдумывание ходов времени достаточно. Дело ясное, но не мешает еще разок проверить. Ход Геллера успел уже по телефонным проводам добежать до Одессы. Холмов все думает.

Попадется Холмов или нет? Его лицо ничего не выражает, но Геллер чувствует: нет, не попадется.

Сегодня за Холмова болеют все поклонники Смыслова и Бронштейна. Множество людей.

Высокий Смыслов степенно прогуливается по сцене. Не идет, а плывет. Остановился, неторопливо повернул голову, посмотрел на демонстрационную доску. Не на свою — в своей игре уверен, — на доску «Геллер — Холмов». Плавно отвернулся и поплыл обратно, к своему столику. Садится тоже плавно: откидывает руками длинные полы пиджака, как пианист фалды фрака, когда садится за рояль.

Бронштейн невысокого роста, медленно ходить не умеет. И на сцене шагает быстро, но ступает мягко, не суетясь. Подошел поближе к столику Геллера и замер, глядя на позицию, а зрители смотрят на Бронштейна: если заметят на лице удовлетворение — значит, у Холмова дела хороши. Ничего не заметили — ни удовлетворения, ни досады. Говорят, индейцы считали неприличным любое выражение лица, лицо должно быть непроницаемым. Большинство гроссмейстеров — сдержанные люди, Смыслов и Бронштейн — в первую очередь.

Кто-то неподалеку от меня в пятом ряду партера внятно поясняет соседу, пожалуй, даже слишком внятно, не возражает, чтобы слышали другие:

— Дебютный вариант с жертвой пешек Холмову перед партией посоветовал Бронштейн.

На лацкане пиджака у знатока — маленькая эмалевая шахматная досочка с золотой коронкой. На него смотрят внимательно. Пожилой человек из четвертого ряда вполуборот хмуро спросил:

— Зачем же Бронштейну рассекречивать свою новинку?

Знаток охотно продолжает:

— Новинка не Бронштейна. Это вариант ленинградского мастера Кламана. Почти никто этого варианта не знает. И Геллер, как видите, не знал. Бронштейн, конечно, все знает.

Человек из четвертого ряда спешит закончить щекотливый разговор:

— Уж очень у вас подробные сведения...

— Я только что был в пресс-бюро, — говорит знаток.

И все почтительно смолкают.

В пресс-бюро всем хочется побывать: там гроссмейстеры и мастера вместе разбирают партии. Острое слово ценится наравне с удачным ходом. В пресс-бюро кипят споры, медленно рождается истина. В пресс-бюро попасть рядовому зрителю трудно, как грешнику в рай.

В который раз вспыхивает световое табло «Тише!» Разговор иссяк, все смотрят на сцену.

Внизу, в вестибюле, большая турнирная таблица. У нее толпятся те, кому не удалось попасть в переполненный зал, но быть вдаль от решающей партии они не могут. Обсуждаются шансы, нетерпеливо ждут вестей из зала. Таблица почти заполнена, позади восемнадцать туров. В графе Геллера частокол единиц и лишь один пустой квадрат: нет результата встречи с Холмовым. Квадрат чист, как до начала игры, а партия тем временем близится к развязке.

— Надо было спокойно играть на ничью! — громко и убежденно говорит высокий полный мужчина. (В начале тура он не менее убежденно грозил: «Геллер разнесет Холмова в комбинационном стиле»).

Впереди у таблицы двое мальчишек. Одинаковые блокноты с табличками в руках, одинаковые веснушки — вероятно, братья. Они возражают в два голоса:

— Нет, правильно сделал, на выигрыш надо было играть, мог выиграть и сразу стать чемпионом СССР и гроссмейстером...

— Да что вы, ребята! — с досадой отмахнулся толстяк. — Не выиграл ведь, а проигрывает!

— Вот именно, — раздается еще один голос. — Риск уж слишком велик. Ведь бывают в жизни моменты, можно сказать роковые, не повезет — и сломался. Начал турнир кандидатом в мастера, дележ первого места при ничьей был обеспечен. Нет, голова закружилась, обязательно захотелось стать гроссмейстером! — И со вздохом: — После такого проигрыша Геллер, пожалуй, не сыграет.

...Геллер закуривает новую папиросу и эту тоже закусывает в углу рта. Крепко сжаты челюсти, массивный подбородок очерчен резко. На нем новый синий костюм — наверно, первый раз надел

Я.Эстрин (второй слева) и Е.Геллер (третий слева)

по такому торжественному случаю — белая полоска воротничка, синий галстук. Пиджак чуточку узковат — заметно, как напряжены мышцы спины.

«Положение безнадежное. Тянуть не имеет смысла. Сейчас сдамся, и придется перенести еще орацию в честь победы Холмова. Результат ясен, хотя можно, конечно, тянуть до сорокового хода и отложить партию, а сдать потом. Аплодисментов не будет, но сдаваться тоже надо как следует».

Геллер делает последнюю затяжку и гасит папиросу.

Четко пишет на бланке для записи ходов: «Белые сдались», росчерк, рука останавливает часы и протянута партнеру. Аплодисменты, громкие, кажется, громче не бывает. Демонстратор вывешивает на доску табличку: «Белые сдались», и аплодисменты еще громче. Геллер что-то говорит Холмову, тот отвечает, и оба, не оглядываясь, покидают сцену. Мастера всегда делают вид, что аплодисменты к ним не относятся. Эта такая же традиция, как у артистов поклон.

Тур окончен, из зала валит народ. Поток людей стремится к гардеробщикам. Все переполнены впечатлениями, все жаждут

общения, знакомства завязываются с удивительной непринужденностью. Чей-то сочный голос:

— Вы представляете? Вагон цветов из Одессы прислали. И все для чемпиона. А теперь приходится отправлять вагон обратно: не оставлять же Смыслову и Бронштейну!

Одесский юмор, а может быть, и правда.

Мы с товарищем пробираемся к выходу. Впереди нас медленно движутся двое военных. Голубые просветы на погонах. Летчики, вероятно.

— Ничего, заиграет, — говорит глухим баском один из них. — Видал, какая у Геллера боксерская челюсть? Конечно, есть боксеры, которые слабо держат удар, но в этого парня я верю.

Мы переглядываемся. Общие вопросы, общие мысли.

— До свидания, — говорит мой спутник, но медлит уходить. Ему, как и мне, не хочется оставаться одному. Между тем огни театра гаснут, вестибюль пустеет. На площади трех вокзалов после ярко освещенного зала кажется темно. Желтые шары фонарей будто плывут в непроницаемом черном воздухе. Мы останавливаемся у входа в метро. Оно деловито и привычно глотает тысячную толпу.

Товарищ говорит:

— Обрати внимание на лица людей. Они видели надежду и ее крушение. — Пауза, и потом: — А может быть, правда, что Геллер оказался у разбитого корыта? Вдруг правда?

У самого входа в метро он поворачивается и спрашивает: — Как думаешь, воспрянет?

Я не успеваю ответить: в потоке людей вижу Геллера. Вокруг него — маленькое свободное пространство. Глаза Геллера опущены, черты лица стали мягче, в походке чувствуется расслабленность. Его молча сопровождают друзья. На секунду он останавливается у входа в метро. Посмотрел на меня. Светлые зоркие глаза. Нет, не сломлен. Геллер метко бросает в урну окурков и исчезает.

Полночь. Отзвенели часы на кремлевской башне. Вадим Синявский только что рассказал миру о драме, разыгравшейся в театральном зале. Я лежу с открытыми глазами. Медленно текут минуты, я думаю, что Геллер сейчас не спит, наверно, ходит по своей комнате в гостинице «Москва», может быть, упрекает себя.

За окном длинная зимняя ночь сорок девятого года. Геллер ходит из угла в угол. Все. Конец.

Староиндийская защита

А. Котов — Е. Геллер

XVII чемпионат СССР

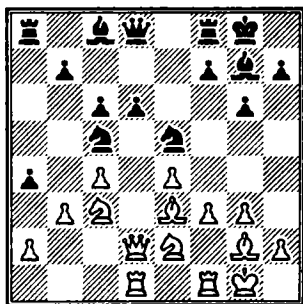
Москва 1949

1.d4 ♘f6 2.c4 g6 3. ♘c3 ♘g7 4.g3
0-0 5. ♘g2 d6 6. ♘f3 ♘bd7 7.0-0 e5
8.e4 ed 9. ♘:d4 ♘c5 10.f3 ♘fd7
11. ♘e3 c6 12. ♗d2 a5 13. ♖ad1 ♘e5.

Здесь, чтобы защитить пешку d6, можно было сыграть 13... ♘b6 14.b3 ♗e7. Однако Геллер оптимистично стремится к острой фигурной борьбе.

14.b3 a4 15. ♘de2.

Последний ход белых ошибочен. Следовало играть 15.f4! ♘g4 16. ♘:c6 ♗e8 17. ♘d4 ab 18.ab ♘:d4 19. ♘:d4 ♘:b3 20. ♗d3 с явным преимуществом. Котов упускает эту возможность, и тактика Геллера торжествует.

15...ab! 16. ♘:c5 ♘:c4 17. ♗c1 ba.

Бронштейн после партии указал, что было сильное продолже-

ние — 17...b2 18. ♗c2 dc 19. ♖:d8 ♖:d8. Геллер предпочел открытую острую игру.

18. ♘:a2 ♗a5 19. ♗:c4 ♘e6 20. ♗c1 dc 21. ♘ac3 b5.

У черных за фигуру лишь две пешки, зато пара слонов контрролирует поле боя, а проходные пешки грозят устремиться вперед.

22. ♘b1.

Следовало играть 22.f4 ♘b3 (22...b4 23.f5 ♘b3 24.f6) 23. ♖d6 b4 24.e5!, возвращая фигуру и «гася» силу слонов и проходных пешек.

22...b4 23. ♘f4.

Еще можно было 23.f4 ♘b3 24.e5, но белые переоценивают возможности, которые дает лишняя фигура.

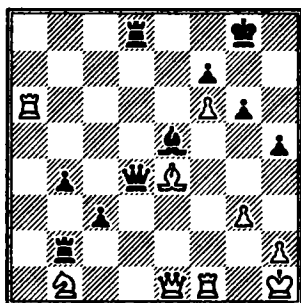
23... ♘b3 24. ♖d6 c4 25. ♖:c6 c3 26. ♘d5 ♘:d5 27.ed ♗:d5 28.f4 ♗d4+ 29. ♘h1 ♖a2 30. ♘f3 ♖b2.

Белые отвели угрозу 30... ♖:g2 и 31... ♗d5+, но черные доминируют. Они грозят продвинуть пешку b, и нельзя брать пешку c3 ни конем (из-за ♖c2), ни ладьей (из-за ♖:b1).

31.f5 ♘e5 32. ♗e1 ♖d8 33. ♘e4 ♘g7!

Король «лично» защищает пункт g6.

34.f6+ ♘g8 35. ♖a6 h5! Резерв усиливает атаку.

36. ♖ a5 h4 37. ♙ :g6 ♖ :h2+!
 38. ♘ :h2 ♙ :g3+ 39. ♘ :g3 hg+
 40. ♘h3 fg. Белые сдались.

Эта встреча была в 16-м туре. После 15-го Котов лидировал, Геллер, а также Смыслов и Бронштейн отставали на пол-очка...

Партия признана красивой в турнире по представлению чемпиона мира М. Ботвинника. Он отметил, что она не лишена обоюдных промахов. «Е. Геллер, однако, вложил в нее столько фантазии и остроумия, что ему по праву достался приз газеты «Комсомольская правда» за «Красивейшую партию XVII первенства».